

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПОВОЛЖЬЯ (ПО ЖАЛОБАМ И ТРЕБОВАНИЯМ НАКАЗОВ ДЕПУТАТАМ УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ ЕКАТЕРИНЫ II)

В статье анализируются вопросы о налогах и повинностях, поднятые государственными крестьянами перед депутатами Уложенной комиссии Екатерины II (1767–1768 гг.).

Ключевые слова: Россия в XVIII в., социальная история, аграрные отношения, фискальная политика, Уложенная комиссия, наказания депутатам Уложенной комиссии.

В Уложенную комиссию 1767–1768 гг. от различных сословных и территориальных групп государственных крестьян Поволжья было представлено 117 наказов. На предыдущих сессиях нашего Симпозиума были рассмотрены источниковедческие и историографические аспекты изучения этих наказов [1], а также возможности их использования для анализа землевладения и землепользования этих крестьян [2]. Данная статья посвящена другому важному вопросу, поднятому поволжскими крестьянами, которые в 96 наказах, то есть в 82 % от всех, высказались о налогах и повинностях.

В 76 наказах (65 %) затрагивалось подушное обложение. Наибольшее число возражений вызывала обязанность внесения подати за всех лиц мужского пола, внесенных в ревизские сказки, включая нетрудоспособных и «убылых». По этой причине возрастала сумма, взыскиваемая с их родственников и односельчан. Новокрещенные чуваша Бутульминского ведомства вынуждены были платить только с учетом умерших и прочих «убылых» вместо положенных 1 руб. 70 коп. подушного оклада «с наличного числа душ с каждой по три рубля в год», не считая просто нетрудоспособных². Жалобы на взимание податей с престарелых изложены в 45 наказах (38 %), с умерших – в 37 (32 %), с больных, калек, сумасшедших и т.п. – в 35 (30 %), со взятых в рекруты – в 27 (23 %), с малолетних – в 20 (17 %), с беглых, ушедших на заработки, переведенных в мастеровые на заводы – в 8 (7 %).

В 7 наказах (6 %) ставился под сомнение сам принцип подушного обложения, не учитывавший реальные возможности крестьянского

¹ Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, Самарская государственная академия культуры и искусств, artamonovoi@mail.ru, Россия, г.Самара.

² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 283.

хозяйства. В них содержались жалобы на включение в подушный оклад бедных и неимущих, которые не могут «обзавестись домом», не имеют «скота и пажити» и даже «ежедневного пропитания», и за которых подати платит мир³.

Недовольны были крестьяне повышением подушного оклада с 1,1 руб. в год до 1,7 руб. Жалобы на это есть в 23 наказах (20 %).

В 12 (10 %) наказах их составители указывали, что не могут платить подушные оклад и прочие подати, возмещать накопившиеся недоимки, так как не имеют средств к существованию. Эти жалобы исходили от тех групп крестьян, которые были недостаточно наделены землей или совсем ее не имели. По закону недоимка должна была раскладываться на более состоятельных членов общины, иначе для ее возмещения угоды неплательщиков сдавались с торгов в наем. Однако нередко крестьяне «по недостатку» не имели «между собою один перед другим ... никакого к лучшему способу уравнивания и льготы», а угодий у них не было. Попытки же выколотить недоимки правезом приводили только к тому, что крестьяне «долговременно содержаны были неизсходно под караулом, отчего пришли в наивящее разорение и скудость, ... почти лишились своих домов»⁴. Жалобы на разорение из-за взыскания недоимок содержались в 6 наказах (5 %).

Возражения у крестьян вызывали и способы взимания оклада. Их «безвинно» разоряли уже сами приезды чиновников с объявлениями о сборе подушных денег, сопровождавшиеся вымогательством. Зажиточные крестьяне часто отказывались принимать на себя платеж податей за бедняков.

В 6 наказах русских однодворцев и служилых мурз, татар, чувашей высказано недовольство наложением на эти сословные группы подушного оклада. Часть потомков служилых людей настаивала на исключении их из податного состояния. В остальных наказах крестьян Поволжья, включая однодворцев, предложения были нацелены исключительно на облегчение подушной подати.

Прежде всего, предлагалось уменьшить число окладных душ за счет исключения стариков (11 наказов – 9 %), больных, инвалидов и прочих нетрудоспособных (15 наказов – 13 %), умерших (4 наказа – 3 %), рекрутов (13 наказов – 11 %) и даже беглых (1 наказ). Крестьяне, как правило, требовали не просто снять оклад с имеющихся «убылых» душ и с тех, «которые податей платить не в состоянии», но и впредь таковых «из оклада выключать» постоянно, «не дожидаясь наступления вновь бывших генеральных ревизий»⁵.

³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 309 об.; Сборник РИО. Т. 115. СПб., 1903. С. 182.

⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 6. Л. 106 об.–107.

⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 45–52 об.; Сборник РИО. Т. 115. С. 172.

Отличавшийся своими критическими выпадами против администрации и глубокой разработкой ряда конкретных предложений наказ ясачных татар Казанской провинции требовал фактического отстранения властей от сбора подушных денег⁶. В нем предлагалось, чтобы к определенному сроку государственные подати в казну за весь год вносил один «удостоенный» из крестьян, который должен жить в губернском городе. Сбор податей с самих крестьян и изыскание способов внесения денег за несостоятельных налогоплательщиков надлежало полностью передать на рассмотрение указанного представителя и крестьянских общин. При реализации такого предложения от финансовых дел устранялась уездная администрация. С губернскими же учреждениями имели бы дело не представители отдельных миров, а искушенные в денежных делах люди, пользующиеся поддержкой объединенных общин.

Наиболее тяжелой из натуральных повинностей являлась для государственных крестьян рекрутчина. Специальное внимание к ней уделено в 23 наказах (20 %). Здесь не учитывались жалобы и предложения, связанные со взиманием рекрут с убылых и не способных нести эту повинность душ. В 16 наказах (14 %) встречается жалоба на то, что та или иная категория крестьян отягощена этой повинностью больше других. Чаще всего на это жаловались однодворцы, пахотные солдаты и служилые люди старых служб, так как наборы с них в ландмилицию производились чаще и с меньшего числа душ, чем общегосударственные рекрутские наборы в армию с других категорий крестьян. В то же время уволенные со службы чины ландмилиции, наравне с солдатами полевой армии, выключались из подушного оклада, а их дети призывались на службу уже «без зачета» односельчанам⁷.

Излишне отягощенными рекрутскими наборами считали себя те государственные крестьяне, которых включали в «складки» с помещичьими. Им приходилось отдавать рекрут и за себя, и за приписанных в «складку», а положенную денежную компенсацию они не получали. Судя по всему, ее не выплачивали помещики или она оставалась в руках чиновников. Некрещеные служилые и ясачные татары были вынуждены ставить рекрут в 2–3 раза больше чем положено, потому что многие сданные в набор люди, чтобы избавиться от рекрутчины, принимали крещение. Вместо них власти принуждали выставлять новых рекрут.

Способами уклониться от рекрутской повинности были укрывательство от наборов или совершение правонарушений, так как преступников в армию не брали. Как видно из наказов, речь шла не о закоренелых нарушителях общественного порядка, а о тех, кто шел на

⁶ Сборник РИО. Т. 115. С. 371–379.

⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 13 об.

воровство с единственной целью подвергнуться тяжкому телесному наказанию кнутом, избавляющему от представлявшейся более тяжелой доли рекрута. Жалобы на уклонение отдельных крестьян от отдачи в рекруты с помощью побегов и воровства содержат 5 наказов (4 %).

В 6 наказах (5 %) было выражено недовольства крестьян тем, что казна перекладывала на них расходы на доставку и содержание рекрутов. «Происходит... нам, ясашным татарам, — говорилось в одном из свияжских наказов, — в поимке таковых и в покупке на них указанной одежды и в кормлении их до отдачи мирским коштом разорение и убыток»⁸.

Как и в отношении подушной подати, требование отменить рекрутскую повинность содержали указы потомков служилых людей. Некоторые даже выражали свое согласие на несение военной службы на прежних основаниях, как несли ее предки. Подобные предложения, конечно, вряд ли могли заинтересовать правителей абсолютистского государства, которым нужна была прежде всего регулярная армия, а не иррегулярное ополчение. Составители таких наказов и не очень надеялись на полное избавление от рекрутчины. В них есть и частные требования по облегчению несения рекрутской повинности, перекликающиеся с наказами других категорий крестьян, например, не освобождать от рекрутства лиц, совершивших преступления. Это требование встречается в 6 наказах (5 %). Еще в 8 наказах крестьяне просили выдавать рекрутские квитанции за сосланных на каторгу преступников (7 %).

В целях предупреждения побегов лиц, предназначенных к отдаче в рекруты, в 4 наказах (3 %) предлагалось разрешить крестьянским обществам сдачу рекрут заранее в зачет будущего набора. «Предупредительные» меры против уклонения от рекрутской повинности отражали прежде всего интересы зажиточных крестьян, поскольку «годные в отдачу, а к платежу податей впредь за несостоянием их ненадежные скрываются», и приходится отдавать в рекруты «лучших домовых и впредь к платежу податей надежных»⁹. Эта же часть крестьян просила в 6 наказах (5 %): «Если ... тот, который будет назначен в рекруты, вместо себя пожелает в казну отдать деньги, что определено будет, или же пожелает вместо себя, купя, у кого подлежит отдать, в том бы ... дать дозволение»¹⁰.

Уравнения с другими категориями государственных крестьян в несении этой повинности просили указы депутатам от содержащих ландмилицию. Это требование дополнялось еще одним: «И сколько с нас

⁸ Сборник РИО. Т. 115. С. 403.

⁹ Сборник РИО. Т. 134. СПб., 1911. С. 252–253.

¹⁰ Сборник РИО. Т. 115. С. 397.

излишних рекрутских наборов было, оные б нам в будуще наборы повелено было зачесть, дабы мы... в обиде остаться не могли»¹¹.

Прочие натуральные повинности государственных крестьян вызвали жалобы и предложения 46 наказов (39 %). Следует оговориться, что эти повинности не всегда можно отнести к разряду отработочных. Не имея желанья или просто возможности отвлекать рабочую силу из своего хозяйства, крестьяне вынуждены были нанимать из своей среды или со стороны работников для выполнения этих повинностей. Условность граней между отработками и денежными сборами являлась следствием развивавшихся торгово-денежных отношений. Крестьяне, видя отсутствие острой необходимости в применении принудительного труда и возможность замены его наемным, полагали, что многие повинности являются лишь следствием нежелания казны расходовать средства на государственные нужды. Кроме того, крестьяне использовали тексты указов о наложении на них подушной подати и повышении оброчного сбора, в которых власти лицемерно утверждали, что кроме этого налога с крестьян не будут требовать «подвод и работ». Расхождение законодательных деклараций и практики придавало «законность» крестьянскому возмущению по поводу отработок.

Самое большое число жалоб в 28 наказах (24 %) вызывала подводная повинность и предоставление проводников к подводам. В качестве компенсации крестьянам, давшим подводы, должны были выдаваться «прогонные» деньги, но чаще всего подводы забирались «безденежно». Принуждение к исполнению этой повинности сопровождалось издевательствами, вымогательством и побоями со стороны проезжавших чиновников, офицеров, дворян. Некоторые «команды» из присутственных мест специально «для взятки» ездили «не по большой дороге, но по окрестным жителям»¹².

Подробно предложения по регламентации подводной повинности были изложены в наказе марийских крестьян Казанской провинции. В нем предусматривалось, чтобы у крестьян не брали подвод без подорожных или сверх указанных в подорожных числа, была установлена твердая оплата прогонов (1 коп. с каждой лошади за 1 версту), «быть у проезжающих ... тягости со всеми вещами, людьми и телегою не свыше» 15–20 пудов на одну пару лошадей». Для соблюдения условий несения подводной повинности в крестьянских сотнях предлагалось учредить «по выбору мирских людей» особое должностное лицо, чьи функции будут утверждены «из присутствующих мест указом»¹³.

Государственные крестьяне Астраханской губернии были в особенно тяжелом положении в отношении несения подводной повинности, так

¹¹ Сборник РИО. Т. 115. С. 171–172.

¹² Сборник РИО. Т. 115. С. 416.

¹³ Сборник РИО. Т. 115. С. 390–391.

как в крае не было другого крестьянского населения, с которым можно было разделить тяготы подводной и проводниковой повинности. Поэтому они требовали сложить с них эту повинность вовсе, указывая на обещание правительства не брать подвод, данное при увеличении суммы подушного оклада.

В особую группу в вопросе о натуральных повинностях следует выделить приписку государственных крестьян к казенным и частным предприятиям. О ней говорится в 10 наказах (9 %).

В наказах русских крестьян, приписных к железодельным и медеплавильным заводам, практически все жалобы сводятся к насильственной их приписке и к тяжелым условиям труда. Заводские работы зачастую превышали физические возможности их выполнения. С одной стороны, это приводило к разорению многих хозяйств, а с другой стороны, заставляло крестьян прибегать к найму. Однако плата наемному работнику в несколько раз превышала «плакатную», которая шла в зачет «подушной подати приписному». Крестьянское хозяйство могло не выдержать и часто не выдерживало многократного увеличения и без того тяжелого налогового бремени. Приписное крестьянство, пожалуй, подвергалось самой жестокой эксплуатации по сравнению с другими категориями государственных крестьян. При этом оно не было освобождено от несения других повинностей (рекрутской, постоянной, поставок фуража и пр.), что подчеркивалось в наказах¹⁴. К этому следует добавить отдачу из крестьян в мастеровые, которые получали от мира подмогу в 5 руб. и не выключались из подушного платежа и других повинностей¹⁵.

В обстановке подавления выступлений приписных крестьян в 1760-е гг. эта категория не смогла выдвинуть в своих наказах решительные требования. Просьбы наказов гораздо сдержанней, чем требования челобитных, поданных в период волнений. Если в 1761 г. приписные к Авзяно-Петровским заводам Демидова требовали «ото всех ево заводских и протчих ево и прикащиков принуждаемых работ свободить» [4, с. 202–204], то в 1767 г. в наказе только просили, чтобы с них было «сбавлено» этих работ¹⁶.

Предложения наказов приписных к Адмиралтейству служилых мурз и татар были более решительными. Они сводились к тому, чтобы правительство или оставило их при корабельных работах, но избавило от подушного оклада, рекрутской и некоторых других повинностей, или, не снимая те повинности, которые несли все остальные государственные крестьяне, отменило их принудительное привлечение к заготовке леса.

¹⁴ Сборник РИО. Т. 115. С. 259.

¹⁵ Сборник РИО. Т. 115. С. 260.

¹⁶ Сборник РИО. Т. 115. С. 253.

В 27 наказах (23 %) поднимался вопрос о различных косвенных и прямых налогах, взимавшихся с крестьян в денежной форме. Например, в 3 наказах содержались жалобы на чрезмерную цену соли, которая облагалась высоким косвенным налогом.

Наибольшее число жалоб вызывала откупная система сбора ряда податей, произвол и вымогательства откупщиков. Так, на действия сборщиков конской пошлины жаловались составители 9 наказов, винных откупов — 3 наказов, соляных сборов — 2 наказа: «Оные откупщики ... въезжают в наши жительство и берут с нас без платежа прогонов подводы и безденежно съестные и харчевые всякие припасы. К тому ж обывателей бьют немилосердными побоями и взыскивают те пошлины по пяти копеек с рубля да за бумагу по две копейки». В связи с этим крестьяне просили в 4-х наказах о подтверждении запрета сборщикам конских пошлин въезжать в села и деревни¹⁷.

Представления крестьян о незаконности действий откупщиков не разделялись властями. Местные канцелярии сами организовывали вторжения сборщиков пошлин в крестьянские жительство, о чем свидетельствуют сохранившиеся дела этих канцелярий¹⁸.

Более последовательными были предложения 7 наказов (6 %) отменить откупную систему сбора конских пошлин. Крестьяне предлагали: «За тот конский сбор, если его отменить будет вовсе не можно, сумму желаем платить ежегодно сами собой»¹⁹.

Своими высказываниями по этому вопросу выделялись составители наказа ясачных татар Казанской провинции. В основу их предложений положен абсолютно рыночный принцип свободного распоряжения частной собственностью: «А подробность и того требует, чтоб никто посторонний ни над чьим именем (имением — Л.А.) не был властелин. То есть откупщики разного звания, например, соляных и конских сборов, не вмешивались бы во общественное обхождение, что кто один у другого покупает, а иному продает». В связи с этим предлагалось исчислить все сборы, которые с крестьян поступали в казну, а затем разложить по душам²⁰. Фактически это означало замену всех прямых и косвенных налогов с крестьян одним несколько увеличенным подушным сбором.

Выступления против системы откупов затрагивали, прежде всего, интересы купечества, представители которого чаще других выполняли функции сборщиков конских, соляных и винных налогов. Однако указы также выступали и против действий знатных «вельможных» от-

¹⁷ Сборник РИО. Т. 115. С. 436–437.

¹⁸ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 89. Л. 382–383 об.; Д. 85. Л. 567.

¹⁹ Сборник РИО. Т. 115. С. 396–397.

²⁰ Сборник РИО. Т. 115. С. 377.

купщиков, например, «питейных сборов откупщика» генерал-аншефа П.И. Репнина²¹.

Некоторые налоги распространялись не на все категории государственных крестьян. В 9 наказах (8 %) некрещеных ясачных и служилых людей имелись жалобы на взимание «свадебных денег», а в 7 — требование о ликвидации этого налога. Законность такому требованию, по мнению составителей, придавало то обстоятельство, что «с крещенных всякого звания людей, с бракосочетавшихся деньги збором оставлены», а с составителей этих наказов «оние, называемые куничные, и до днесь взыскиваются»²². Из местных канцелярий отправляли посыльных в деревни некрещеных, выясняли, сколько было сыграно свадеб, требуя заплатить «куничные деньги»²³. Такие посылки сопровождалась вымогательствами и злоупотреблениями.

В целом 1760-е гг. были отмечены жестким наступлением на земли, самостоятельность, права государственных крестьян, особенно на окраинах [5]. Выступления крестьянских наказов Поволжья против налогов и повинностей были направлены одновременно против дворянского государства. Это сдерживало критику и выдвижение наиболее радикальных предложений, так как крестьяне надеялись добиться в Уложенной комиссии от государства уступок. В вопросе о главных государственных налогах и повинностях, подушном окладе и рекрутском наборе, составители наказов в основном заняли «оборонительную» позицию, выступая против увеличения подушного оклада, против отягощающих способов взимания денег и рекрут, против несения повинностей за «убылые» и нетрудоспособные души. Но надежды даже на частичные уступки со стороны правительства были иллюзорными. Государственные крестьяне не знали, что уже подготовлено решение о повышении с 1768 г. подушного оклада с них²⁴.

Невнимание к требованиям наказов, особенно из Поволжья, дорого обошлось и во многом предопределило драматические события 1773–1775 гг. [7, с. 160]. Не случайно, что среди атаманов и активных участников восстания оказался ряд депутатов Уложенной комиссии и составителей для них наказов, в том числе из крестьян [6, с. 293].

Вообще практически все XVIII столетие шло значительное усиление налогового бремени, прежде всего, в форме подушной подати и тяжести повинностей, особенно рекрутской. За вестернизацию и модернизацию страны, прежде всего, платило крестьянство. Об этом писали не только либеральные и марксистские историки XIX–XX вв.,

²¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 50, 56.

²² Сборник РИО. Т. 115. С. 332.

²³ ЦГА РМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Л. 168–171, 177–177 об.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 248. Д. 3676. Л. 802–828, 903–903 об.; ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVIII. № 12980, 13194.

но и свидетельствуют современные исследования, выполненные с применением новейших методов «социальной истории» и количественно-го анализа [3, с. 193–194, 201–202, 205–207].

Решительней выступали крестьяне в отношении других налогов и повинностей, стараясь при этом представить их как излишнее и даже незаконное отягощение, как помеху в несении основного государственного налога – подушного оклада. Особое недовольство вызывали тяжелые натуральные повинности, которые зачастую приобретали для крестьян непосредственно денежную форму, и тем самым еще больше укрепляли сомнение в их необходимости и стремление к замене их наемным трудом, но уже за счет казны. В любом случае крестьянство пыталось вести борьбу по всему комплексу податной политики за ограничение роста и уменьшение феодальной ренты, которая взыскивалась с них в виде денежных налогов и отработочных или натуральных повинностей в пользу государства – землевладельца.

Литература

1. *Артамонова Л.М.* Отечественная историография и основные результаты изучения наказов крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1. Вологда, 2009. С. 144–150.

2. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. М.; Брянск, 2012. С. 222–230.

3. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2012. (2-е изд.).

4. *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979.

5. *Смирнов Ю.Н.* «Добрый порядок» оренбургского губернатора Путятина против вольной народной колонизации юго-восточных окраин России // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре / Отв. ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2013. С. 52–58.

6. *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX вв.: дис. ... док. ист. наук. М., 1999.

7. *Смирнов Ю.Н.* Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3. С. 158–166.